

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.



ЧАСТЬ LXXIV.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

—

1852.

ЗАДАЧА СТАТИСТИКИ.

Каждому изъ образованныхъ людей извѣстно имя Статистики, каждый изъ нихъ слышалъ и употреблялъ слово — статистическія данныя: посему каждый знаетъ, по крайней мѣрѣ отчасти, какое обширное поле обнимаетъ на практикѣ эта Наука. Нѣтъ почти ни одного явленія частной и общественной жизни нашей, ни одного измѣненія въ организмѣ нашемъ и въ окружающей насъ Природѣ, ни одного движенія нашего, которое бы не было или по крайней мѣрѣ не могло быть предметомъ статистическаго наблюденія и изслѣдованія. Статистика проникаетъ всюду, гдѣ только есть общественная жизнь. Ея предѣлы неизмѣримы, какъ неизмѣримо движеніе общественнаго развитія, какъ безконечны потребности чело-вѣка и обстоятельствъ, при которыхъ онъ существуетъ.

Такой обширный кругъ ея изслѣдованій, между прочимъ, былъ причиною того, что не всѣ изъ людей, даже специально посвящавшихъ себя ея изученію, съ точностію опредѣляли ея основную идею и ея главное содержаніе. Множество опредѣленій этой Науки большею частію уничтожали одно другое и рѣдко достигали своей цѣли. Большая часть изъ нихъ не выражаетъ ни истиннаго содержанія Статистики, ни ея значенія, какъ Науки. Въ этомъ

легко убѣдиться, систематически прошедши рядъ сихъ опредѣленій.

Всѣ опредѣленія Статистики мы можемъ привести къ двумъ главнымъ отдѣламъ: къ первому относятся опредѣленія, по которымъ Статистика должна носить характеръ чисто-описательный, во второму — тѣ опредѣленія, которыя даютъ Статистикѣ характеръ теоретическій въ строгомъ смыслѣ этого слова. Остановимся на важнѣйшихъ опредѣленіяхъ каждаго отдѣла и постараемся дать себѣ отчетъ въ относительныхъ достоинствахъ и недостаткахъ ихъ.

Первое и самое употребительное опредѣленіе Статистики есть то, въ которомъ главнымъ предметомъ ея принимается *описание состоянія Государствъ*. Если мы не примемъ во вниманіе момента времени этого состоянія, то къ разряду Писателей, дававшихъ ей такое опредѣленіе, относятся слѣдующіе: Конрингъ, Тоце, Людеръ, Мадеръ, Шпренгелъ, де Лука, Моне, Кохъ-Штернфельдтъ, Ивановъ и др. Не смотря на такое распространеніе свое, это опредѣленіе безспорно представляется самымъ слабымъ: во 1-хъ, оно не удовлетворяетъ требованіямъ правильного опредѣленія вообще; во 2-хъ, не выражаетъ ученаго содержанія предмета статистическаго изслѣдованія, и въ 3-хъ, несогласно даже съ тѣмъ содержаніемъ Науки, какое мы находимъ у тѣхъ самыхъ Писателей, которые принимали это опредѣленіе. Такимъ образомъ изъ него мы не можемъ сдѣлать никакого заключенія о предметѣ Статистики.

Опредѣленіе это принадлежитъ, по своему происхожденію, еще тому времени, когда въ знаніи цѣлилась наиболѣе сторона фактическая, когда обязанностію Науки было подробное описаніе какого-нибудь предмета, однимъ словомъ — времени дѣтства Наукъ какъ Естественныхъ, такъ

и Историческихъ. Въ картинѣ видѣли цѣль ученаго труда, какъ будто портретъ можетъ намъ дать совершенное понятіе о лицѣ.

Къ этому опредѣленію близко, по своимъ качествамъ, опредѣленіе М. Джіойи, который въ Статистикѣ видитъ собраніе познаній относительно каной-нибудь земли, которыя могутъ быть полезны въ общемъ ходѣ дѣлъ всякому, либо большей части жителей, либо Правительству. Это опредѣленіе не есть даже опредѣленіе въ строгомъ смыслѣ слова: оно ничего не ограничиваетъ, ничего не указываетъ и предоставляетъ все личному понятію лица, занимающагося Наукой, его произволу и фантазіи. Такъ же мало достоинства представляетъ намъ и опредѣленіе Ахенвалля: «Статистика есть познаніе государственныхъ достопримѣчательностей или изображеніе данныхъ, по которымъ можно судить о томъ, въ какой мѣрѣ достигло цѣли своей Государство въ извѣстный моментъ» (1). Здѣсь самое опредѣленіе требуетъ еще другаго опредѣленія для того, чтобы быть понятнымъ; и кромѣ того, не прибавляя къ предыдущимъ опредѣленіямъ ничего, кромѣ вычурности выраженія представляется почти совершенно излишнимъ въ Наукѣ. Должно замѣтить, что всѣ эти опредѣленія имѣютъ въ виду Государство вообще, какъ предметъ Статистики, которая, по ихъ мнѣнію, обнимаетъ все, что въ немъ заключается (2); слѣдующія,

-
- (1) Это опредѣленіе принимаютъ за лучшее Шенеръ, Генкъ, Зябловскій и Шубертъ (*Handbuch der allg. Staatskunde v. Europa. Königsh. 1836. Ч. 1, стр. 6.*)
- (2) Сюда относятся также опредѣленія: А. Росслевскаго — «Статистика есть Наука, занимающаяся изслѣдованіемъ элементовъ государственной жизни» (*Руководство къ Статистикѣ. Харьковъ, 1844, и Лекцій Статистики. Харьковъ, 1841*); М. Френцля — «Статистика есть изображеніе Государства съ политической точки зрѣнія» (*Frankl*

напротивъ того, имѣють въ виду только нѣкоторыя стороны Государства, какъ предметъ статистической Науки; такъ Синклеръ и другіе, преимущественно Англійскіе, Писатели принимаютъ Статистику за *Науку, показывающую степень благосостоянія* жителей и средствъ къ нему. Ремеръ, Меизель, Гёсъ требовали отъ нея описанія *устройства* Государства; преимущественно Французскіе Статистики—Пеше, Донанъ, Дюпень, также Манертъ, Падовани, Гробергъ де Гемсъ, Фишеръ, Цицусъ—видятъ въ Статистикѣ Науку *о силахъ и могуществѣ* Государства (3); Шницлеръ—ученое, изложеніе *разныхъ интересовъ народонаселенія*, образованнаго въ общество политическое и т. п. (4). Всѣ эти опредѣленія отличаются односторонностію и шаткостію. Они вводятъ

Statistik. Wien, 1838); *Шнабеля* — «Статистика есть ученымъ образомъ изложенное представленіе дѣйствительности для потребности Правительства» (Generalstatistik. 2. Ausg. W. 1833); *Бутте*—«Статистика есть ученое представленіе тѣхъ данныхъ, изъ которыхъ узнается дѣйствительное осуществленіе государственной цѣли въ данныхъ Государствахъ въ моментъ времени, представленномъ за настоящій» (Statistik als Wissenschaft. Landsh. 1808). Это опредѣленіе принимаютъ *Гольцетанъ* (Theorie d. Stat. W. 1829) и *Г. Ободовскій* въ своей «Теоріи Статистики» (С. П. Б. 1839). Такое понятіе о Статистикѣ подробно и отчетливо развитъ *Фалли* (Einleitung in die Wissenschaft der Statistik. Tub. 1843).

- (3) Почти также понимаетъ Статистику *Ф. Мальхусъ*, распространяя это опредѣленіе слѣдующимъ образомъ: «она состоитъ въ представленіи силъ Государства, обстоятельствъ, дѣйствующихъ благоприятно или неблагоприятно на его развитіе; способа пользованія ими; его устройства и управленія; наконецъ въ подкрѣпленномъ данными представленіи слѣдствій, развивающихся для самаго Государства и принадлежащихъ къ нему, — изъ обстоятельствъ въ томъ видѣ, какъ они образовались (Statistik, Stuttgart. 1826).
- (4) L'exposé scientifique des intérêts divers d'une population organisée en société politique. *Г. Срезневскій* приближается наиболѣе къ Шницлеру, опредѣляя Статистику «системой элементовъ бытія и жизни Государства». См. «О предметахъ и элементахъ Статистики. Харьковъ. 1839.»

въ Науку элементъ непостоянный и временный, и искажаютъ ея значеніе. Гораздо выше и шире опредѣленіе Мишеля Шевалье, который называетъ Статистику «*изложениемъ численныхъ формулъ, въ которыхъ могутъ выражаться разныя характеры образованія, т. е. она есть счетоводство, приспособленное къ общимъ фактамъ образованія (цивилизациі)*» (5). Въ немъ уже исчезаютъ мелкіе признаки и формы общества, представляющіеся главными предметами изслѣдованія въ предыдущихъ опредѣленіяхъ; общее поставлено вмѣсто частнаго, счетъ — вмѣсто описанія. Но этимъ все же не уловлена идея Науки, а указанъ только внѣшній, современный признакъ ея. Нужно было, для совершенства опредѣленія, указаніе теоріи Статистики, какъ ея главной, существенной части.

Честъ такого теоретическаго опредѣленія принадлежитъ Кетлè (Quetelet). Онъ называетъ ее *Наукою*, наукающею *выводить* изъ сходныхъ численныхъ терминовъ *законы послѣдованія общественныхъ явленій* (*une science qui enseigne à déduire des termes numériques analogues les lois de la succession des faits sociaux*) (6). Къ этому примыкаетъ опредѣленіе Дюфо: «Статистика есть Наука о законахъ, по которымъ развиваются *общественные факты*» (7) (*étude des lois d'après lesquelles se développent*

(5) L'ensemble des formules numériques par lesquelles peuvent se représenter les caractères divers de la civilisation, ou la comptabilité appliquée aux faits généraux de la civilisation. Гражданскую же образованность считаетъ главнымъ предметомъ статистическаго изслѣдованія Романьози (Quest. sull'ordinamento delle stat. 1835) и Schön (Allg. Gesch. und Stat. d. europ. Civilis. L. 1833).

(6) Ср. А. Заблоцкаго: О нравственной Статистикѣ. Ж. М. В. Д. № 1 и слѣд.

(7) Сюда принадлежитъ опредѣленіе Ал. Моро де Жонеса: «Статистика есть Наука объ общественныхъ фактахъ, выраженныхъ въ чи-

les faits sociaux» (8). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ наше время это составляетъ и наилучшее опредѣленіе Статистики: только въ немъ она представляется Наукою въ строгомъ смыслѣ слова. Посему не удивительно, что это опредѣленіе съ небольшими измѣненіями приобретаетъ все болѣе и господства въ ученой Статистической Литературѣ.

Опредѣленіе это, радикально противоположное всѣмъ предыдущимъ, не можетъ быть по тому безъ ущерба ясности и логичности соединено съ какимъ бы то ни было изъ нихъ. Въ такомъ случаѣ, представляется двойственность содержанія въ Наукѣ, что противорѣчитъ правильному понятію о системѣ. Изъ этого не слѣдуетъ необходимость раздѣленія Статистики на двѣ Науки, какъ полагаетъ Г. Книсъ (9), а только различіе между двумя родами изслѣдованія: одинъ представляется матеріаломъ, приготовительнымъ трудомъ для другаго: *статистическое описаніе* необходимо, какъ хранилище данныхъ, изъ которыхъ выводятся *статистическіе законы*. Безъ перваго не могутъ быть найдены вторыя, безъ вторыхъ не можетъ быть познать предметъ перваго.

сленныхъ знакахъ (*la science des faits sociaux exprimés par des termes numériques*. Elem. de Stat. P. 1847,

(8) У нихъ общіе законы выводятся изъ частныхъ наблюденій надъ явленіями жизни физической, умственной и нравственной. Цель Статистики, по мнѣнію ихъ, есть опредѣленіе *средняго человека*. Къ этимъ опредѣленіямъ приближается опредѣленіе Г. Порошина: «Статистика показываетъ вліяніе внѣшней необходимости на знаменіе внутренней жизни человѣка, или Наука, имѣющая предметомъ познаніе человѣка въ отношеніи вліянія на него 3-хъ причинъ: мѣстности, происхожденія или племени и Исторіи». В. Порошина: Критическія изслѣдованія объ основаніяхъ Статистики. С. Петербургъ, 1838. Ср. Записки Географическаго Общества. Кн. 2. Заблужаго.

(9) Knies: Die Statistik als selbständige Wissenschaft. Kass. 1850. 8.

Такое значеніе законовъ общества, изслѣдуемыхъ Статистикою, представляется намъ совершенно естественнымъ, лишь только мы всмотримся глубже въ самый предметъ ея. Чѣмъ болѣе мы знакомимся съ нею, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что такой предметъ для нея составляетъ общество: его-то главныя свойства и отличія въ различныхъ проявленіяхъ стараются представить статистическіе Писатели съ различныхъ точекъ зрѣнія, его-то имѣютъ въ виду и тѣ заслуженные, опытные труженики, которые цѣлую жизнь свою проводятъ надъ собираніемъ безчисленныхъ фактовъ различныхъ родовъ и видовъ. Знать общество въ его современной формѣ есть главная задача ихъ, какъ главное стремленіе всякаго человѣка. Но что же значить: знать общество? Развѣ изученіе его формъ въ ихъ взаимной связи можетъ быть названо знаніемъ? Развѣ внѣшняя сторона, представляясь въ видѣ разрозненныхъ данныхъ, соприкасающихся между собою совершенно случайно, безъ внутренней между ими связи, имѣетъ какой-нибудь смыслъ сама по себѣ? Развѣ частныя явленія могутъ имѣть значеніе ученое, если оци не подведены подъ какое-нибудь общее начало? Развѣ простое изложеніе данныхъ отрывочныхъ, необъясненныхъ отношеніемъ ихъ къ началамъ, въ слѣдствіе которыхъ они появляются, можетъ быть названо Наукой? Разумѣется, нѣтъ. И дѣйствительно, развѣ для того только, чтобъ имѣть удовольствіе знать это, изучаютъ Статистику серьезные люди? Нѣтъ. Они изучаютъ эти факты только для того, чтобы вывести изъ нихъ слѣдствія, и чтобъ ими руководствоваться въ своей общественной дѣятельности. Слѣдовательно между сими разрозненными фактами они предполагаютъ причинную связь, видятъ въ нихъ проявленіе извѣстныхъ

законовъ. Не одни голые факты, и даже не ихъ взаимныя отношенія только, а ихъ взаимную причинную связь, законы, дѣйствующіе въ нихъ, должна представлять *Статистика*. Этого требуетъ отъ нея ея значеніе, какъ Науки, и къ этому стремятся всѣ современныя изысканія въ ея области. Только при условіи такого содержанія она перестаетъ быть игрою празднаго ума, порожденіемъ тревожнаго любопытства; только при немъ она становится достойною названія Науки и своего вѣка. Только въ такомъ видѣ мы и принимаемъ ее. Для насъ она есть *систематическое изложеніе тѣхъ законовъ, которымъ подчиняются общественыя явленія въ своемъ развитіи*. Это опредѣленіе обнимаетъ всѣ явленія, включаемыя обыкновенно въ область нашей Науки, а слѣд. нисколько не уменьшаетъ ея объема; но въ то же время оно принимаетъ эти явленія только потомулику, поколику они служатъ для объясненія и уразумѣнія *законовъ*, по которымъ они совершаются. Приобрѣтая черезъ это смыслъ, котораго они до сихъ поръ не имѣли, въ то же самое время они являются въ ней фактами только преходящими, временными, не обременяють вѣчно ея содержанія, входя въ него только для переработки. Они являются такими же фактами, какъ какое-нибудь физическое явленіе для Физика, какъ явленіе небесное для Астронома. Ихъ не должно упускать изъ виду, ни оставлять безъ вниманія, но, записывая ихъ въ лѣтописи Науки, должно искать связи ихъ съ другими явленіями и стараться разгадать ихъ сущность, постигнуть ихъ значеніе и причину, чтобы быть въ состояніи изъ этихъ явленій разнородныхъ и разнообразныхъ извлечь *общее* заключеніе, могущее служить къ выводу *закона*, служившаго имъ основой. Впрочемъ, такая задача Статистики далеко не легка. Наблю-

даемыя нами явленія, представляя продукт дѣйствія различныхъ силъ и условий, всегда представляютъ намъ въ себѣ нѣчто сложное. Уловить всѣ сіи разнообразныя условия и отличить дѣйствія различныхъ силъ въ явленіяхъ чрезвычайно трудно, и безъ строгой системы даже совершенно невозможно. Если бы мы захотѣли открыть разомъ всѣ законы, всѣ начала, лежація въ основѣ извѣстнаго конкретнаго явленія, всѣ вліянія, его производшія въ томъ опредѣленномъ видѣ, въ которомъ оно представляется для наблюденія нашего въ данный моментъ времени: то, разумѣется, мы не успѣли бы въ своемъ намѣреніи. По ограниченности природы нашей, въ открытіи органическихъ законовъ мы должны идти медленно и постепенно, держась одного опредѣленнаго порядка. Такимъ образомъ и изслѣдователи Статистики обыкновенно отличаютъ въ ряду явленій, ими изслѣдуемыхъ, два рода признаковъ: одни — характеризующіе дѣйствіе главной производящей явленіе силы, другіе — происходящіе въ слѣдствіе различныхъ по стороннихъ вліяній т. е. образующіеся отъ дѣйствія другихъ силъ, въ этомъ случаѣ дѣйствующихъ только косвеннымъ образомъ. Сначала они стараются опредѣлить дѣйствіе *только первой силы*, оставляя безъ вниманія постороннія вліянія, измѣняющія нормальный ходъ явленій (возмущающую силу, *force perturbatrice*) и только тогда, когда наберется достаточное количество такихъ уклоненій, они берутся за опредѣленіе сихъ послѣднихъ вліяній. Этотъ способъ нахождения формулъ дѣйствующихъ законовъ статистическихъ одинаковъ съ методою, употребляемою въ теоріи произвольныхъ постоянныхъ. Способъ этотъ медленъ, но въ то же время точенъ и опредѣленъ.

Посмотримъ теперь на объемъ Науки, на характеръ и значеніе ея данныхъ. Предметомъ статистическихъ изслѣдованій мы положили общество; но общество состоитъ изъ людей: посему человѣческая общественная жизнь въ ея широкомъ разнообразіи составляетъ зерно статистическаго вѣдѣнія. Внутренняя сила ея, внѣшнія вліянія на нее—вотъ что должны мы стараться понять, освѣтити путемъ Науки: этимъ обусловливаются всѣ общественныя явленія, всѣ они зависятъ отъ взаимодѣйствія человѣка и Природы. Ихъ отгѣнки и разнохарактерность должны въ Наукѣ предстать въ согласіи и связи съ основной идеей развитія: посему не одно грубое, валовое изложеніе этихъ явленій должно быть предметомъ Науки. Она должна, на-противъ того, искать въ нихъ тѣ простые элементы, изъ которыхъ составились эти явленія. Каждый изъ этихъ элементовъ она разлагаетъ по различію моментовъ проявленія ихъ, и въ атомъ разложеніи старается уловить законы развитія ихъ по указанному выше способу. Представимъ это въ примѣрѣ: мы видимъ Гоеударство; на его пространствѣ совершаются различныя явленія общественной жизни: его населеніе измѣняется въ своемъ объемѣ, движется, дѣйствуетъ по извѣстнымъ началамъ, съ извѣстнымъ характеромъ, производитъ цѣнности, потребляетъ ихъ, мыслить, развивается и т. д. Все это обнимаетъ Статистика; но для узнанія законовъ развитія народа, она беретъ каждый элементъ общественной жизни порознь. Беретъ, на-пр., рождаемость, и этотъ статистическій элементъ слѣдитъ въ его различныхъ моментахъ, разсматриваетъ его измѣненія въ различной обстановкѣ, по различію породъ (племенъ), различнымъ мѣстностямъ (по рѣкамъ, въ гористыхъ и низменныхъ мѣстахъ), по поламъ, по сословіямъ, по достатку,

по занятіямъ родителей, по законности и незаконности браковъ, по различію городского и сельскаго населенія и т. д. Береть другой элементъ—смертность, и снова разсматриваетъ ее въ различныхъ ея моментахъ. Такъ она разлагаетъ народную жизнь на элементы разнообразныя и въ этихъ элементахъ открываетъ измѣняющее вліяніе внѣшней необходимости, обусловливающее извѣстное явленіе жизни общественной, и притомъ не одновременно, но послѣдовательно. При такомъ разнообразіи статистическихъ изслѣдованій, намъ необходимо представляется вопросъ: что же составляетъ въ нашей Наукѣ *главное*, и что *побочное*? Главное то, что способно къ развитію въ обществѣ,—то, что составляетъ его сущность, неизбежное проявленіе его; побочное—то, что содѣйствуетъ развитію, обусловливаетъ его, но не творитъ. Раждаемость, смертность, болѣзненность, производительность вещественная и духовная составляютъ необходимое условливаемое въ обществѣ; климатъ, различіе породъ, сословій, достатковъ, мѣстность—обусловливающее, случайное съ точки зрѣнія статистической. Эти условія проявляются въ своемъ вліяніи на элементы статистическіе двоякимъ образомъ: или какъ непосредственно дѣйствующія, или какъ дѣйствующія посредственно. Климатъ, племя, мѣстность дѣйствуютъ на раждаемость страны непосредственно; государственныя учрежденія, плодородіе страны дѣйствуютъ посредственно, т. е. дѣйствуя на самыя отношенія индивидуумовъ, результатомъ которыхъ бываетъ рожденіе. Моръ, голодь, война дѣйствуютъ непосредственно на смертность; производительность вообще, понятія народныя, устройство внутреннее дѣйствуютъ на нее посредственно. Производительность непосредственно обусловливается массою

труда въ странѣ, посредственно — знаніемъ, племеннымъ расположеніемъ жителей и т. д. Преступленія зависятъ, съ одной стороны, отъ характера населенія, его понятій, его силы, съ другой — отъ его законовъ, мѣстности, даже климата и т. п.

Изъ этого видно, сколько нужно проницательности и остроумія, труда и силы воли, чтобы съ успѣхомъ уловить характеръ явленія въ этомъ хаосѣ данныхъ, чтобы оцѣнить и понять оный въ его простотѣ и его отношеніяхъ къ другимъ явленіямъ. Это тѣмъ труднѣе, что разложеніе элементовъ и различіе ихъ моментовъ совершаться можетъ только къ идеѣ, а дѣйствительность представляетъ намъ только явленія сложныя и отрывочныя. Какимъ же образомъ мы доходимъ до этого отдѣленія и разложенія явленія? Путемъ *среднихъ* величинъ и ихъ взаимнаго сравненія въ видѣ *пропорцій*. Безъ сомнѣнія, этотъ методъ часто представляется намъ недостаточнымъ, но это единственно-возможный при настоящемъ состояніи Науки.

Нахожденіе среднихъ величинъ должно отличать отъ *среднихъ чиселъ*. Последнее совершается такимъ образомъ: берутся данныя за извѣстный періодъ времени, складываются вмѣстѣ и раздѣляются на число отдѣльныхъ цикловъ времени, за которые они взяты. Результатъ дастъ намъ среднее число. Или берутся данныя разныхъ мѣстностей въ ихъ среднемъ выводѣ, и среднее изъ нихъ дастъ намъ искомый результатъ. Употребляется, тотъ или другой пріемъ, смотря по частной цѣли, которая имѣется въ виду. Эти среднія приводятся потомъ въ взаимное отношеніе въ геометрическомъ содержаніи, и такія выраженія составляютъ наиболѣе употребительныя въ Статистику. Это, впрочемъ, не выражаетъ еще статистическаго закона,

который открывается намъ только въ *среднихъ величинахъ* иного рода. Ихъ находили прежде по тройному правилу; теперь точнѣе находятъ по теоріи вѣроятностей. Теорія эта вообще связана съ понятіемъ о причинности явленій и ведетъ къ двоякому роду заключеній: по 1-му мы заключаемъ прямо о томъ, что явленіе возможно въ мѣрѣ его предыдущихъ повтореній; по 2-му мы предполагаемъ силу, опредѣляющую явленіе, вѣроятность существованія которой съ каждымъ повтореніемъ явленія растетъ въ геометрической прогрессіи. Для представленія значенія этихъ родовъ заключенія возьмемъ на-пр. вѣроятность солнечнаго восхода и людской смерти и тогда увидимъ, какъ важенъ такой взглядъ. Разумѣется, ни одинъ путь не указываетъ намъ свойства самой причины, но указываетъ намъ ея существованіе, — что само по себѣ уже важно въ Наукѣ.

Вѣрность теоретическихъ положеній такого рода оправдываетъ и практика. Она указываетъ намъ съ одной стороны, на одинакій общій результатъ различныхъ частныхъ вліяній, какъ отдѣльныхъ капель дождя на землю, или колебаній волнъ на одинъ общій уровень морской поверхности, или особнхъ усилій на народную производительность вообще; съ другой, онъ показываетъ намъ даже неправильныя, ненормальныя явленія въ извѣстной правильности, въ строгомъ соотношеніи между собою.

Все это чрезвычайно облегчаетъ статистическія соображенія. Данное, осмысленное такой теоріей, является звеномъ огромной цѣпи явленій, связывающимъ ее крѣпче. Оно лежитъ на твердой основѣ прошлаго и составляетъ переходъ къ болѣе и болѣе близкому будущему.

Еще мы должны сказать нѣсколько словъ о той *формѣ* выраженія, которая наиболѣе свойственна Статистикѣ.

Выражая количественныя величины, она необходимо должна имѣть *единицу сравненія*, единицу статистической мѣры, единицу отношенія. Здѣсь не лзя пока устранить прозвона: потому что еще не всѣ согласились принимать одну и ту же единицу. Наиболѣе употребительное нынѣ — принятіе за единицу самого человѣка въ количествѣ 100 или 1000. Наука, правильно понимаемая, не имѣетъ никакого возраженія противъ этого; но, къ сожалѣнію, нѣтъ возможности рационально привести къ ней всѣ разнообразныя данныя, такъ какъ трудъ этотъ превышаетъ силы отдѣльнаго человѣка. Статистикъ, въ настоящее время, — и Архитекторъ, и работникъ: вотъ почему большая часть чиселъ должна быть принята въ ихъ грубой, первоначальной формѣ. Это лишаетъ видимаго единства Науку, но не лишаетъ единства внутренняго при правильной разработкѣ ея.

Для полнаго уясненія предмета Статистики, не бесполезно будетъ сказать нѣсколько словъ и о томъ различіи, которое существуетъ между нею и другими, по общему мнѣнію, очень къ ней близкими Науками. Эта близость въ наибольшей мѣрѣ признается обыкновенно за Географію; не смотря на то однакожь различіе между Географію и Статистикою очень велико и оно признано теперь безспорно и Учеными и практиками. Правда, прежде рожденія Статистики многія статистическія данныя входили въ предѣлы Географіи. Еще и теперь нѣкоторыя смѣшиваютъ объ эти Науки, такъ что у нихъ Политическая Географія и Статистика есть одно и то же; но мнѣніе это не имѣетъ болѣе мѣста въ Наукѣ, и потому мы имѣемъ право оставить его, въ настоящемъ случаѣ, безъ вниманія. Что же касается различія между ими, то разные Писатели представляли его различно; вообще же всѣ эти различія до

сихъ поръ проведены недовольно жѣрно, и именно потому, что самое опредѣленіе Статистики всѣ почти изъ нихъ принимали неправильное. По мнѣнію однихъ, различіе между Географіею и Статистикою существуетъ только со стороны объема, по мнѣнію другихъ, оно заключается только въ различіи *воззрѣній* на предметы собственно *одни* и тѣ же.

Къ Писателямъ перваго рода относятся преимущественно Французскіе (10). Бальби въ своемъ *Abrégé de géographie* очень подробно излагаетъ это мнѣніе и указываетъ почти на всѣ отдѣльныя пункты обѣихъ Наукъ, показывая, чѣмъ отличается изложеніе статистическое отъ географическаго (*Intgr. I. § 1*). Первое, по его мнѣнію, излагаетъ подробно то, до чего Географія едва касается. Географія на-пр. говоритъ, сколько дохода имѣетъ извѣстное Государство, и уже Статистикъ указываетъ, сколько именно въ немъ есть различнымъ доходовъ, сколько на-пр. приноситъ сборъ поземельный, сколько личный или съ движимаго имущества, сколько съ государственнаго имущества, сколько таможеннаго сбора и проч. и проч. Очевидно, что въ такомъ случаѣ, т. е., когда различіе между Науками есть чисто-внѣшнее, ни одна изъ нихъ собственно не должна и не можетъ составлять Науки отдѣльной. Онѣ представляютъ не болѣе, какъ два различные метода изложенія одной Науки. Притомъ это мнѣніе странно встрѣтить у Бальби, который хотѣлъ дать Географіи твердость и самостоятельность, и опредѣленіе Статистики принималъ высказанное у Пеше, уже достаточное для рѣзкаго отдѣленія ея отъ Географіи.

(10) Ср. *Clément: Parallèle de la géographie avec la statistique* въ *Monit.* 303 X. 40. *Thém.*

Нѣсколько правильнѣе представляется раздѣленіе этихъ двухъ Наукъ у Нѣмецкихъ Писателей. У нихъ Статистика отличается отъ Географіи не только по объему, но и по *цѣли*, съ которою приводятся въ ней извѣстныя данныя, а слѣд. и по *вззрѣнію* на эти данныя. Въ этомъ главномъ мнѣніи мы можемъ отличить два оттѣнка мнѣній, различающіяся между собою не столько по содержанию, сколько по формѣ.

Одни изъ Нѣмецкихъ Статистиковъ, и даже большая часть ихъ въ настоящее время, въ слѣдъ за Гасселемъ, Шубертомъ и др. видятъ то различіе между Статистикой и Географіей, что первая главнымъ образомъ разсматриваетъ *Государство*, и землю только по отношенію къ нему; вторая же главнымъ образомъ разсматриваетъ землю, не касаясь Государства. Мнѣніе это подробно можно выразить такъ (*Conversations-Lexicon. Statistik*): «Статистика тѣмъ существенно и въ смыслѣ Наукъ отличается отъ Географіи, что, хотя многіе предметы принадлежатъ имъ обѣимъ, однакожь, по способу изложенія и размѣщенія этихъ предметовъ, Географія вездѣ слѣдуетъ мѣстности, и Статистика подчиняетъ ихъ одной руководящей идеѣ. Географія представляетъ особенное и различное въ Государствѣ тамъ, гдѣ его находитъ, а Статистика сходное и однородное излагаетъ вмѣстѣ подъ одною рубрикой. На-пр. Географія упоминаетъ о горахъ при описаніи тѣхъ областей, гдѣ онѣ находятся; Статистика группируетъ всѣ горы, всѣ рѣки въ одно обозрѣніе и излагаетъ ихъ одно за другимъ, смотря по степени ихъ политической важности. Такъ Географія упоминаетъ о фабрикахъ, мануфактурахъ, оптовой торговлѣ, присутственныхъ мѣстахъ, Университетахъ, Лицеяхъ, Семинаріяхъ и т. д. при мѣстахъ, гдѣ она ихъ находитъ; Статистика, напротивъ того, рас-

полагаетъ ихъ сообразно ученой точкѣ зрѣнія.» Различіе предполагается здѣсь, какъ мы видимъ, въ системѣ или порядкѣ изложенія: Географія говоритъ о томъ же, о чемъ и Статистика, но говоритъ не въ томъ порядкѣ. Мы видимъ, что, строго говоря, послѣдователи этого мнѣнія не уяснили себѣ значенія ни одной изъ сихъ Наукъ: они въ обѣихъ видѣли только внѣшнюю ихъ сторону, и притомъ въ той мѣрѣ, какъ эта сторона выражается въ старыхъ учебникахъ по этимъ Наукамъ.

Ниманъ первый пытался положить между двумя родственными Науками болѣе постоянную границу: «Географія» — говоритъ онъ — «разсматриваетъ предметы внѣшніе, а Статистика — внутренніе въ Государствѣ, напр. государственныя учрежденія.» Различіе это, правда, сдѣлано было имъ, какъ мы видимъ, неудачно, такъ какъ внутреннее въ Государствѣ подлежитъ Статистикѣ лишь столько, сколько выражается оно во внѣшнемъ; но все-же стремленіе его гораздо высшее, нежели у предшественниковъ и современниковъ Нимана.

Вотъ всѣ главныя разграниченія статистическаго и географическаго вѣдѣнія, которыя встрѣчаемъ мы въ ученой Литературѣ нашей Науки. Изъ всего этого мы можемъ вывести только одно заключеніе, именно: что различіе между Географіею и Статистикою существуетъ. Дѣйствительно, всякій, кто хотя нѣсколько знакомъ съ ученою Литературою, не можетъ не признать совершенной справедливости этого вывода; но, къ сожалѣнію, его слишкомъ недостаточно для вѣрнаго взгляда на ту или другую Науку: потому что, какъ мы отчасти имѣли уже случай убѣдиться, понятія о нихъ недостаточно сознаны до сихъ поръ. Для окончательнаго рѣшенія настоящаго вопроса, мы должны об-

ратиться къ самой вседневной практикѣ. Вообще мало цѣнимая, она во всѣхъ задачахъ подобнаго рода необыкновенно содѣйствуетъ правильному рѣшенію ихъ: въ ней проявляется обыкновенно инстинктъ массы, имѣющей необходимо основаніе свое въ здоровомъ смыслѣ и *implicite* на дѣлѣ дающій особое своеобразное опредѣленіе каждой практической Наукѣ. И такъ, посмотримъ, въ какомъ смыслѣ обыкновенно встрѣчаются слова: *географическій* и *статистическій*.

Изложеніемъ географическимъ во вседневномъ употребленіи называется такого рода изложеніе, которое имѣетъ своимъ предметомъ все, подлежащее быстрому измѣненію, и только съ той стороны, съ которой не лзя предполагать въ ономъ рациональнаго развитія: однимъ словомъ — извѣстную землю со всѣмъ тѣмъ, чѣмъ одарила ее Природа и что придала ей рука человѣка. Это картина того, что образовалось окончательно на землѣ. Географическіе *реестры*, называемые картами, выражаютъ ея Природу довольно вѣрно; тамъ вы не видите движенія, и наибольшее, чѣмъ можно осмыслить ихъ, — это *система*.

Совсѣмъ другое имѣютъ въ виду, представляя *статистическій обзоръ* чего-либо. Здѣсь представляется все въ движеніи, — только тѣ факты входятъ въ него, которые могутъ измѣняться. Всякое количественное данное представляется, какъ продолженіе предыдущаго, какъ указатель на будущее, какъ одно только изъ звеньевъ безконечной цѣпи общественнаго развитія, — и только какъ такое звено, статистическій фактъ имѣетъ смыслъ и значеніе. На это указываетъ намъ уже то, что каждый практикъ-Статистикъ, пользуясь статистическими данными, увѣренъ въ то

же время, что въ настоящій моментъ времени они уже не вѣрны, что въ нихъ произошли перемѣны, которыя онъ старается угадать на основаніи теоріи или опыта.

Что же значить такой взглядъ и что мы для Науки можемъ изъ него вывести?

Идею, составляющую жизнь и душу каждой Науки, источникъ всего дальнѣйшаго развитія. Узнать ее гораздо важнѣе, нежели изучить самые мельчайшіе факты изъ ея области. Взглядомъ практиковъ руководила въ первомъ случаѣ — въ изученіи географическомъ извѣстной страны — идея земли: узнать *землю* было ихъ единственнымъ стремленіемъ; во второмъ случаѣ, они хотѣли узнать *общество*. Если мы, на основаніи этого, захотимъ представить различіе между Географіею и Статистикою, то оно будетъ слѣдующее: а) *по предмету*: Географія имѣетъ предметомъ извѣстныхъ проявленія и вліянія законовъ мѣстности, или просто есть изложеніе законовъ *мѣстности*; Статистика изслѣдуетъ законы *общества*. Для этого Географія описываетъ почву, видъ страны и пр., Статистика — общество, въ ней существующее: слѣдовательно Географія описываетъ внѣшность въ возможныхъ ея видоизмѣненіяхъ и разсматриваетъ возможные вліянія какъ на нее, такъ и ея самой на населеніе и т. д., ища въ этихъ вліяніяхъ послѣдовательности, связи и естественной законности. Статистика ищетъ и *излагаетъ законы общества*, и слѣдовательно имѣетъ *предметомъ* другъ видоизмѣненій послѣдняго и постороннихъ на него вліяній.

Различіе между этими двумя Науками б) *по формѣ* еще разительнѣе и въ сущности давно уже было признаваемо, такъ что, какъ мы видѣли, нѣкоторые Писатели только въ этомъ и видѣли отличіе одной Науки отъ другой. Но

это различіе формы обѣихъ Наукъ не состоитъ въ однихъ только относительныхъ размѣрахъ ихъ, а въ самомъ характерѣ изслѣдованія истины, — характерѣ развитія идеи Науки. Географія, имѣя предметомъ преимущественно мѣстность, какъ неизмѣняемую и постоянную, занимается вѣрнымъ и отчетливымъ изображеніемъ ея и исторически-вѣрнымъ изложеніемъ возможныхъ вліяній на нее: слѣдовательно по формѣ есть Наука описательная. Статистика, имѣя предметомъ своимъ постоянно-измѣняющееся, и осужденная искать въ немъ смысла, связи явленій, однимъ словомъ законовъ этой измѣняемости, стремится сдѣлаться Наукою *точною*, т. е. основанною на числахъ и выводящею формулы математическимъ методомъ.

Такъ какъ практическою цѣлю каждой Науки должно быть вообще наше улучшеніе, зависящее отъ пріобрѣтенія вѣрныхъ познаній о предметахъ, касающихся насъ: то ясно, что, при осуществленіи этой цѣли, Науки эти взаимно помогаютъ одна другой, но никогда не сливаются, и только выводы ихъ могутъ восполнять одни другіе (11).

Еще болѣе сходства многіе думали видѣтъ между Статистикою и Исторіею: такъ Роттекъ считаетъ Статистику цѣлымъ, а Исторію—ея частію (12). Противоположно тому мнѣніе Лелевеля (13), который почиталъ ея однозна-

(11) Нѣкоторые смѣшивали Статистику съ Топографіею; но Топографія, составляя не болѣе, какъ одну изъ частей Географіи, относится къ Статистикѣ, какъ одна изъ вспомогательныхъ Наукъ ея. Она собираетъ и систематизируетъ одинъ родъ суровки для нея.

(12) К. v. Rotteck: Lehrbuch des Vernunftrechts und d. Staatswiss. Stuttg. 1830. II B. S. 10.

(13) O historyi, jej rozgatażeniu się i naukach związek z nią mających. Warsz. 1828.

чащею съ Географіею, а Географію — вѣтвью Исторіи, въ частію; Блюмъ, Г. Кршвицкій (14) сдѣлають ее также въ одну Науку и т. п. Но изъ даннаго нами опредѣленія Статистики мы очень легко можемъ увидѣть, что различіе между ею и Исторіею существуетъ, и различіе это притомъ состоитъ не въ одномъ только различіи моментовъ, ими изслѣдуемыхъ, какъ полагалъ Шлѣцеръ въ своей знаменитой фразѣ (Статистика есть остановившаяся Исторія, а Исторія — непрерывная Статистика), или не въ томъ только, что она представляетъ *результаты* событій, которыя предлагаются Исторіею, какъ думалъ Ниманъ, но и въ различіи *цѣли*, и въ различіи *стремленія*, и въ различіи *матеріала*. Исторія представляетъ развитіе чловѣческаго общества со стороны нравственной и умственной, имѣетъ задачею изобразить успѣхъ или временную отсталость понятій въ извѣстномъ народѣ; старается уловить, что въ извѣстномъ періодѣ времени представляется *особеннаго, отличнаго* отъ предыдущаго; Статистика старается найти общую формулу этого развитія, законъ общественный, котораго проявленіе составляютъ извѣстныя событія: слѣдовательно ищетъ общаго, одинаго въ разнообразныхъ данныхъ. Исторія сводитъ событія, чтобы ихъ различить, Статистика сводитъ, чтобы ихъ объединить. Матеріалъ для Статистики составляютъ преимущественно проявленія внутренней жизни народа, матеріалъ для Исторіи — преимущественно факты виѣшней дѣятельности народа: по сему мы видимъ, что познаніе обѣихъ Наукъ необходимо для каждаго, занимающагося одною изъ нихъ; но въ то же

(14) Die Aufgabe der Statistik. Dorpat. 1844.

время можем замѣтить, какое огромное различіе существуетъ между ими (15).

Ближе къ Статистикѣ, по своему характеру и отчасти по способу своего поступанія, находится *Философія Исто-*

(15) Здѣсь мы разуждемъ общепринятое понятіе объ Исторіи, какъ Наукѣ, занимающей воспроизведеніемъ дѣйствительности, хотя такое понятіе о ней показываетъ еще дѣтское состояніе ея. Воспроизведеніе прошлаго не увеличиваетъ само по себѣ массы нашего знанія. Знать — не значить представлять себѣ вѣщную связь между отдѣльными явленіями, а сознать тѣ естественные законы, которымъ слѣдуетъ извѣстный рядъ явленій; здѣсь должно руководить насъ не гаданіе, а строгій анализъ фактовъ. Этотъ анализъ при данныхъ историческихъ долженъ быть одинаковъ съ анализомъ статистическимъ, т. е. основанъ на математическихъ вычисленіяхъ. Каждое явленіе жизни народной должно быть подвержено мѣрѣ и числу: безъ этого не возможенъ никакой успѣхъ въ Наукѣ. До сихъ поръ въ Исторіи мы не видимъ ничего подобнаго. Подъ именемъ достовѣрности въ ней разумѣется вѣроятность, и притомъ вѣроятность не математическая; подъ именемъ истины въ ней представляется только фактическая достовѣрность, міровое значеніе которой ничѣмъ не опредѣляется. Правда, въ ней часто говорится о развитіи, о законахъ жизни народовъ; но эти законы обыкновенно представляютъ только односторонній, произвольный взглядъ Писателя, это *развитіе* есть только гадательное, а недоказанное: потому что не лзя принять за доказательство вѣскольکو отдѣльныхъ фактовъ, приводимыхъ для подтвержденія апріорнаго положенія, и часто ничего неподтверждающихъ. Методъ въ Исторіи есть не болѣе, какъ одна сторона возрѣнія или способъ изложенія. Главнымъ въ ней считается, какъ при Геродотѣ, все-же разсказъ, т. е. изложеніе фактовъ очень интересныхъ, часто очень важныхъ, но не могущихъ составить Науки, а представляющихъ одинъ матеріалъ для нея. Правда, изъ этихъ фактовъ *можно* вывести законы, на нихъ *можно* построить Науку; но построить ее можно не тѣмъ путемъ, какимъ идутъ Историки. Открыть законы общественнаго развитія совѣмъ не такъ легко: тысяча лѣтъ Исторія занималась народами, народонаселеніемъ и т. д.; но способствовала открытію извѣстныхъ нынѣ законовъ ихъ не она. Вообще, Исторія занимается почти исключительно вѣщностью, рисуетъ картину; но картина не даетъ намъ понятія о *природѣ* предмета, и одна вѣщная форма явленія, ча-

ри. Она, такъ же какъ и Статистика, ищетъ общаго правила въ данныхъ историческихъ, старается уловить главный характеръ событій, главные вліянія различныхъ условій существованія народовъ, опредѣлить значеніе причинъ и

сто искаженная, не имѣетъ никакого значенія въ Науку. Отъ этого историческіе труды, на которые употреблено много и времени и усилій, для истиннаго знанія человѣческаго остаются безплодными. Они могутъ только служить матеріаломъ для Науки. Какъ подготовленіе такихъ матеріаловъ, современная Историческая Критика чрезвычайно важна; желательно только, чтобы эта Критика обращена была болѣе на стороны народной жизни, доступныя изслѣдованію, и меньше посвящала свое время на изслѣдованія личностей и личныхъ отношеній и чтобы Историки болѣе были знакомы съ методомъ, результатами и вопросами другихъ Наукъ, преимущественно Естественныхъ. Между прочимъ теперь результаты другихъ Наукъ какъ бы не существуютъ для Историка: онъ говоритъ о различныхъ племенахъ, говоритъ о числѣ или движеніи племенъ, какъ бы не существовало пріемовъ и положеній современной Науки для отысканія и рациональнаго объясненія того и другаго; говоритъ о вѣшной Природѣ, о промышленности такимъ образомъ, какъ будто еще до сихъ поръ мы и не занимались изслѣдованіемъ того и другаго. Что касается невозможности приложить къ нѣкоторымъ эпохамъ напр. статистическій методъ, то мнѣніе это основано на поверхностномъ взглядѣ на историческія событія: въ историческихъ изслѣдованіяхъ всегда извѣстно мѣсто историческаго факта, болѣею частію и племя, дѣйствующее на немъ, извѣстна степень развитія его богатства и т. п. Для опредѣленія взаимодѣйствія этихъ элементовъ — и есть извѣстный методъ введенія: мѣстность нѣбрь, протѣ своего вѣшняго вида, плодородія, и т. д. своимъ высокимъ историческимъ дѣйствіемъ или вліяніемъ, зависящимъ отъ извѣстнаго распредѣленія между сушию и водою, отъ извѣстнаго движенія массы тепла или холода, отъ флоры, фауны и т. п., на ней развивающейся: всѣ эти элементы мѣстные образуютъ опредѣленные вліянія на народъ, живущій здѣсь, — вліянія, которыя мы можемъ опредѣлить и теперь, почти въ строгихъ числахъ. Племя также имѣетъ свою удѣльную физическую силу, свою относительную среднюю массу, свое maximum умственнаго развитія, свою относительную рождаемость и смертность, свое известное относительное численное выраженіе между полами, а слѣд.

средствъ народнаго благосостоянія и слѣдствій различныхъ обстоятельствъ для существованія Государствъ. Она должна бы по этому представлять родъ физиологіи общества, — роль, которую думали на себя взять то Политическая Экономія, то Статистика, — Науки, происшедшія именно въ слѣдствіе несостоятельности Философіи Исторіи для рѣшенія основной задачи общества. Однимъ словомъ — Философія Исторіи, какъ и Статистика, ищетъ началъ законовъ общественнаго развитія (17); но для открытія ихъ она идетъ другимъ путемъ, нежели Статистики: она не требуетъ математически-строгаго вывода изъ фактовъ, не заботится о точности и непогрѣшимости матеріала, и представляетъ преимущественно сужденія а priori; Статистика, напротивъ того, стремясь сдѣлаться Наукою точною, отвергаетъ всѣ произвольныя, отвлеченныя заключенія, если они не основаны на опредѣленныхъ данныхъ, выраженныхъ въ количественныхъ знакахъ. Заклю-

свои условія умноженія. Но кто изъ Историковъ обратилъ на это надлежащее вниманіе? Слѣдствія смѣшенія породъ и т. п. также имѣютъ свои приблизительныя опредѣленія. Значеніе системы раселеній, религіозныхъ обрядовъ, обычаевъ и т. п. на движеніе населенія также были предметомъ ученаго изслѣдованія. Извѣстная форма промышленности, каждый родъ дѣятельности имѣетъ свои законы, законы труда, характеризующаго собою все человеческое образованіе. Историки оставляютъ это большее частію безъ вниманія. Что же остается на долю мнѣ? Законы духа? но въ чемъ же проявляется духъ, какъ не въ рациональности разнообразныхъ явленій Природы и общества. Заключимъ наше замѣчаніе: современная Исторія иногда слишкомъ строго держится старыхъ преданій и, говоря о требованіяхъ вѣка, сама ихъ не удовлетворяетъ.

- (17) *A. de' Giorgi Bertola: Della filosofia della Storia. Pavia, 1787. Vico: La scienza nuova. 1728. Oeuvres choisies de Vico, P. 1835, 2. v.*

ченія Философій Исторіи сами только тогда могутъ быть приняты за правдоподобныя, когда они не противорѣчатъ даннымъ статистическимъ (18).

Нѣкоторые (19) видятъ близость Статистики съ Этнографіей, полагая все различіе между ними только въ способъ возрѣнія на предметъ; но такое мнѣніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признано справедливымъ: ихъ различіе состоитъ не въ одномъ только взглядѣ на предметъ, но въ самомъ предметѣ. Статистика изслѣдываетъ законы общества; Этнографія излагаетъ характеристику и взаимное различіе племенъ; многія данныя могутъ войти въ Этнографію, ни въ какомъ случаѣ не относясь къ Статистикѣ, и на-оборотъ. Племена входятъ въ Этнографію, какъ племена, на какой бы степени общественнаго развитія они не находились; въ Статистику они входятъ только какъ условія существованія общества.

Наука, съ которою Статистика никогда не была смѣшиваема на дѣлѣ, въ изложеніи, но съ которою часто смѣшивали въ опредѣленіи, въ понятіи — есть Политическая Экономія, и именно тѣми Писателями, которые смотрѣли на Политическую Экономію, какъ на Физиологію общества. Стая тѣмъ образомъ Науку на почву, совершенно ей не принадлежащую, они поневолѣ впадали въ сомнѣніе, не составляютъ ли объ Науки эти одной и той же. Не смѣя признати этого рѣшительно, такъ какъ это слыш-

(18) Литература собственно Философій Исторіи очень бѣдна, если не смѣшивать ее съ Методологіей Исторіи: не всякое введеніе историческое есть уже Философія Исторіи.

(19) Ср. І. Надеждина: «Объ этнографическомъ наученіи народности Русскою», въ Зап. Импер. Русск. Геогр. Общ. кн. 2.

комъ рѣзко противорѣчило бы ученой практикѣ, они старались ихъ сблизить по крайней мѣрѣ, и поставить ихъ въ отношеніе взаимной зависимости. Такъ Жанъ-Батистъ Сей, отказывая Статистикѣ въ достоинствѣ истинной Науки и признавая ее только записываніемъ измѣняемыхъ общественныхъ фактовъ, обязанность выводить изъ нихъ заключенія, отыскивать въ нихъ общіе законы возложилъ на Политическую Экономію, такъ что первая доставляла только матеріалы для второй, а вторая, обуславливаясь первой, одна только могла назваться истинною Наукою.

Другіе (Г. Порошинъ) видятъ въ обѣихъ сихъ Наукахъ только *собственно одну*, такъ что Статистика у нихъ есть Наука, изслѣдующая вліяніе внѣшней необходимости на знаменіе внутренней жизни человѣка; а Политическая Экономія, на-оборотъ, — вліяніе внутренней жизни человѣка на знаменіе внѣшней необходимости (20).

На основаніи такихъ, или подобныхъ имъ мнѣній, многіе чисто-статистическіе предметы неизвѣстно какимъ образомъ вошли въ область Политической Экономіи, гдѣ они сдѣлались лишнимъ бременемъ для нея и затруднили ея развитіе. Таковъ на-пр. вопросъ о народонаселеніи. Понятія о Политической Экономіи, изложеннаго нами въ другомъ мѣстѣ (21), мы считаемъ излишнимъ настаивать на различіе между этими двумя Науками: цѣнности и общество существуютъ современно, но принадлежатъ къ разнымъ группамъ понятій и не могутъ быть смѣшивае-

(20) Собственно одною Наукою признаетъ ихъ и Г. Срезневскій. См. выше.

(21) Критико-историческое изслѣдованіе объ Италіанской Политико-Экономической Литературѣ. М. 1849, стр. 20 и слѣд.

мы. Гораздо ближе стоит предмет Статистики къ предмету Политической Экономіи, понимаемой въ смыслѣ Науки о благосостояніи. Обѣ онѣ имѣють предметомъ общество въ его различныхъ проявленіяхъ; но Статистика ищетъ законовъ, дѣйствующихъ въ немъ вообще, теорія благосостоянія — приложенія этихъ законовъ къ быту народа: между ими такое же различіе, какъ между Чистою и Прикладною Математикою (22).

Что касается вспомогательныхъ Наукъ Статистики, то такую можетъ служить каждая, которая изслѣдываетъ какую бы то ни было сторону общественной жизни, или какое-нибудь проявленіе дѣятельности исторической: слѣдовательно всѣ Историческія, Политическія, Юридическія и Камеральныя Науки; а для метода — Науки Математическія и Естественныя. Изъ послѣднихъ, Физическая Географія и Геогнозія даже необходимы для вѣрнаго уразумѣнія нѣкоторыхъ ея положеній

Изъ всѣхъ сихъ предварительныхъ понятій о нашей Наукѣ мы имѣли случай убѣдиться въ сбивчивости господствующаго взгляда на нее: посему насъ не должно удивить, что и въ самой системѣ ея встрѣчаются нѣкоторыя невѣрныя понятія. Таково на-пр. понятіе о ея видахъ. Большая часть Писателей, не уяснивъ себя сущности и основной идеи ея, видятъ Статистику всездѣ, гдѣ находятъ тѣ прие-

(22) Нѣкоторые находятъ сходство даже между Государственнымъ Правомъ и Статистикою; но это происходитъ собственно отъ незнанія предмета послѣдней. При томъ опредѣленіи, которое мы дали ей, ее очень легко отличить отъ Науки Государственного Права: они различаются и по цѣли, и по содержанію, и по взгляду, и по методу. Нѣкоторыя только данныя входятъ, какъ матеріалъ, въ обѣ Науки; но тѣ же данныя могутъ входить и въ другія Науки, нисколько не мѣшая ихъ самостоятельности.

мы, которые она обыкновенно употребляетъ для отысканія своихъ законовъ: слѣд. методъ Науки принимаютъ за самую Науку, и потому видятъ ее вездѣ, гдѣ только факты выражены въ численныхъ величинахъ, или гдѣ встрѣчается описаніе чего-либо существующаго, не обращающаго вниманія на то, относятся ли факты, такимъ образомъ выраженные, къ разряду фактовъ общественныхъ, или нѣтъ.

Къ этому еще должно присоединить нераціональное понятіе о природѣ Науки вообще, существующее въ массѣ Писателей. Большая часть изъ нихъ смѣшиваютъ систему съ Наукой. Всякое систематическое изложеніе они готовы почтить именемъ Науки, хотя бы система такого изложенія заключалась только во внѣшности, въ одномъ бесплодномъ размѣщеніи предметовъ на рубрики. Такимъ образомъ имя Статистики дѣлается достояніемъ каждаго почти компиляторскаго труда и являются такъ-называемые виды ея, есть и Статистика Военная, и Статистики пожаровъ, и Статистики растений и т. д. Однимъ словомъ, употребленіе названія нашей Науки чрезвычайно широко и разнообразно: по-сему не лзя не остановиться надъ смысломъ и значеніемъ такого распространенія его, хотя мы и отрицаемъ его рациональность. Но для того, чтобы заключенія наши были вѣрны и понятны, мы должны предварительно высказать нашъ взглядъ на дѣленія Науки вообще и на значеніе такихъ дѣленій въ нашей Наукѣ.

Каждая Наука, по своей идеѣ, необходимо представляетъ одно цѣлое, органическое; видовъ ея— строго говоря — быть не можетъ: потому-что новый видъ ея, какъ новый организмъ изъ организма, долженъ былъ бы составлять особую Науку: есть *части* Науки, есть различ-

ныя *направленія* и изложенія въ *Наукѣ*, но нѣтъ видовъ. Признакъ существованія послѣднихъ, въ извѣстной систематикѣ, есть признакъ только неполнаго развитія формы Науки, ея дѣтства. Статистика, какъ Наука, къ сожалѣнію, еще не вышла изъ такого состоянія: посему въ ней дѣйствительно, въ настоящее время, мы можемъ отличить два вида, различныя по методѣ, изысканію и изложенію, по ближайшему стремленію и цѣли своей. Виды эти суть: Статистика *Описательная* или *Историческая* (Статистика въ собственномъ смыслѣ слова) и Статистика *Математическая* (бывшая *Политическая Ариметика*, *Общественная Физика*) — *Наука* въ строгомъ смыслѣ слова. Еслибы мы захотѣли соединить ихъ въ одно цѣлое, то первая, правильно изложенная, будетъ не болѣе, какъ или матеріалъ для послѣдней, или ея прикладная часть. Въ настоящее время эти виды стремятся къ такому соединенію, и, безъ сомнѣнія, достигнуть его.

Что касается другихъ такъ-называемыхъ видовъ Статистики, то они, какъ мы сказали, происходятъ отъ смѣшенія ея съ ея методомъ, или отъ совершеннаго незначія требованій Науки и задачи Статистики. Всѣ такіе виды представляютъ явленія эфемерныя въ области Науки и должны быть упомянуты только для памяти. Ихъ очень много. Всѣ они получаютъ названіе или отъ рода излагаемыхъ явленій, или отъ мѣстности, изъ которой берутся издаваемые факты, или отъ метода, употребляемаго при изложеніи; такъ мы встрѣчаемъ напр. Статистику растеній, Статистику Военную (23), Духовную, Хозяйствен-

(23) Г. Милотина: Первые опыты Военной Статистики. С. Пб. 1847.

ную (24), Административную, и т. п.; Статистику сравнительную, систематическую и пр.; Статистику Россіи, Франціи, Англіи, и даже въ болѣе мелкихъ дробленіяхъ: Статистику Земледѣльческую, Промышленную, Статистику пожаровъ, преступленій, браковъ и т. п.; Статистику атомистическую, индивидуальную, методическую, линейную и пр., Статистику Гренады, Познани, Вальдека, Крыма, Москвы, Ліона, Гента и т. д.; Статистику рабочаго класса, бѣдныхъ, Лордовъ; можетъ быть Статистика села Иванова, Кобелякъ, одного городскаго квартала, и пожалуй одного дома. Статистика такимъ образомъ дѣлается простымъ инвентаремъ. Ясно, что здѣсь уже теряется Наука, если она и была вначалѣ, и принявъ эти виды, мы приводимъ Статистику въ какое-то хаотическое состояніе. Такъ какъ, впрочемъ, эти виды еще не лишены практическаго значенія, то мы остановимся по крайней мѣрѣ на одномъ изъ нихъ, именно — на Статистикѣ Хозяйственной. Подъ именемъ Экономической или Хозяйственной Статистики разумѣется собраніе и изложеніе данныхъ, характеризующихъ народное хозяйство и опредѣляющихъ его богатство. Въ строгомъ смыслѣ слова, она въ обыкновенной своей формѣ не можетъ назваться Наукой: такъ какъ ограничивается исключительно моментомъ настоящаго и не стремится непосредственно къ открытію законовъ общихъ, управляющихъ производительностію страны и опредѣляющихъ степень ея благосостоянія; не можетъ она назваться Наукой еще болѣе, когда ограничивается описаніемъ одной только страны, т. е.

(24) Ср. Объемъ и порядокъ обозрѣнія народнаго богатства, составляющаго предметъ Хозяйственной Статистики. Ж. М. Вн. Д. 1843. Кн. 1 и 2.

изложеніемъ только производительныхъ силъ ея и обращенія цѣнностей въ ней. Отдѣльное изложеніе этого вида систематической Статистики произошло изъ необходимости, въ которой находились университетскіе преподаватели такъ-называемыхъ Камеральныхъ Отдѣленій (25) дать слушателямъ своимъ понятіе о состояніи экономическомъ страны, которая долженствуетъ служить поприщемъ ихъ дѣятельности, и притомъ это произошло еще тогда, когда самая идея Статистики, какъ Науки, не была достаточно ясно понята и отчетливо признана. Настоящія ученія требованія, отвергающія все излишне-обременяющее вниманіе слушателя, ведутъ насъ къ другому изложенію предмета, — къ изложенію, въ которомъ мы были бы въ состояніи правильно уразумѣть взаимное отношеніе явленій общественной жизни и ихъ значеніе. Къ такому пониманію не ведетъ Экономическая Статистика, отдѣльно взятая; для того, чтобы дать ей ученое достоинство и истинный смыслъ, мы должны данныя ея привести въ связь съ тѣми открытіями, которыя сдѣланы вообще въ области Науки нашей; только такимъ образомъ измѣненная, она можетъ быть плодотворна въ будущемъ и получить достойную Науки форму въ настоящемъ.

Что касается связи такъ-называемой Хозяйственной Статистики съ Камеральными Науками, то связь эта чисто внѣшняя. Камеральныя Науки всѣ почти имѣютъ характеръ болѣе или менѣе догматическій, Хозяйственная же Статистика, напротивъ того, имѣетъ характеръ описа-

(25) Подъ именемъ Камеральныхъ Наукъ въ Германіи разумѣютъ: Политическую Экономію съ Наукою о Благоустройствѣ и Финансовымъ Правомъ, Технологию, Сельское Хозяйство, Статистику и т. д.

тельный. Разумѣется, такое различіе могло бы быть устранено правильною ученою разработкою послѣдней; но, по недостатку матеріаловъ, дѣло это невозможное, и остается не болѣе, какъ только гаданіемъ и вождѣлѣннымъ желаніемъ.

Ордин. Профес. Московскаго Универс.

И. ВЕРНАДСКІЙ.

